

1 февраля

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

1915 года.

ХОЛМСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ безплатнымъ прибавленіемъ: «Холмскій Народный Листокъ». Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересыл. по 25.

Адресъ редакціи. Г. Холмъ губери. Духовная Семинарія. Плата за объявленія: за 1 страницу — 4 р., ¹/₂ стр.—2 р. 25 к. за строку—15 к. Многократн. объявл. по соглашенію.

Въ присылаемыхъ статьяхъ редакція оставляетъ за собой право дѣлать измѣненія и сокращенія. За храненіе рукописей редакція не отвѣчаетъ и за свой счетъ обратныхъ не высылаетъ

Подъ Твою милость

привѣгаемъ, Богородице Дѣво.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, слѣдуетъ писать четко и разборчиво.

Рукописи безъ заявленія о гонорарѣ считаются безплатными.

№ 3.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 3.

Епархіальныя извѣстія и распоряженія.

Предсѣдатель Православнаго Миссіонерскаго Общества обратился со слѣдующимъ письмомъ имя Его Преосвященства:

*Ваше Преосвященство,
Возлюбленный о Господь братъ.*

Святѣйшій синодъ, вслѣдствіе ходатайства Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, опредѣленіемъ отъ 18 декабря 1887 г.—8 января 1888 г. за № 2717, утвердилъ предположенія Совѣта, клонящіяся къ возбужденію въ православномъ народѣ усердія къ пожертвованіямъ въ пользу сего Общества.

На основаніи сего опредѣленія, препровождая вмѣстѣ съ симъ въ особой посылкѣ 35 экземпляровъ воззваній для выставленія въ притворахъ церквей и надписи для блюствъ, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы 1) во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ вѣренной Вамъ епархіи въ теченіе первой седмицы святой четьредесятницы, были выставлены въ притворахъ церкви воззванія съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ; 2) въ теченіе всей этой седмицы (согласно опредѣленія Св. Синода отъ 20 февраля 1908 г. за № 1184) во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ былъ произведенъ тарелочный сборъ на распространеніе христіанства между язычниками Имперіи, при чемъ къ блюдамъ должны быть прилагаемы надписи, каковыя надписи потомъ могутъ быть прилагаемы и къ существующимъ уже и обносимымъ въ церквахъ, по указу Святѣйшаго Синода отъ 28 августа 1865 г., кружкамъ для сбора пожертвованій на сей предметъ; 3) въ недѣлю Православія были неопустительно произнесены священниками поученія о миссіонерскомъ дѣлѣ, напечатанныя въ началѣ 1888 и 1889 г. въ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, или же составленныя по ихъ образцу самими проповѣдникамъ и 4) собранныя пожертвованія причтами и старостами церквей были сосчитаны и отосланы въ теченіе Великаго поста мѣстнымъ Благочиннымъ, а сими—въ мѣстную Духовную Консисторію для отсылки въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду, что во всякое время года могутъ явиться жертвователи на великое дѣло Православнаго Россійскаго Миссіонерства, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство снабдить для сей цѣли Настоятелей церквей и монастырей епархіи подписными листами (коихъ препровождается 35 экземпляровъ) съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи года, эти листы съ собранными по нимъ пожертвованіями были представлены полностью въ мѣстную Консисторію для препровожденія въ Совѣтъ Миссіонерскаго Общества.

Позволяю себѣ надѣяться, что Ваше Преосвященство съ любовію примете на себя трудъ по исполненію дѣла, отъ коего зависятъ благостояніе и дальнѣйшіе успѣхи нашихъ миссій.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Христвъ любовію, имѣю честь быть

Вашего Преосвященства
покорнымъ слугою Димитрій, Епископъ Можайскій,
временно управляющій Московской епархіей.

На семь писемъ положена слѣдующая резолюція Его Преосвященства: „№ 36. 1915 г. Января 8. Въ Духовную Консисторію для соотвѣтствующихъ распоряженій.“

Означенное письмо печатается по опредѣленію Епархіальнаго Начальства къ свѣдѣнію духовенства епархіи и руководству.

ОТЪ ХОЛМСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА.

Холмское Уѣздное Отдѣленіе доложило Епархіальному Училищному Совѣту о неаккуратномъ отношеніи со стороны нѣкоторыхъ о.о. Завѣдующихъ школами къ распоряженіямъ Отдѣленія: отвѣты на запросы задерживаются, распоряженія не исполняются, при разсылкѣ циркулярныхъ распоряженій Благочинные не оказываютъ содѣйствія аккуратной передачѣ ихъ.

Въ виду этого Епархіальный Училищный Совѣтъ, согласно постановленію своему отъ 21-го іюня, за № 16, утвержденному ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМЪ, предлагаетъ о.о. *Завѣдующимъ* школами епархіи о неукоснительномъ, точномъ и своевременномъ исполненіи всѣхъ распоряженій Отдѣленій, а *Благочиннымъ*, какъ непремѣннымъ членамъ Уѣздныхъ Отдѣленій, предлагаетъ содѣйствовать въ дѣлѣ аккуратной передачи циркулярныхъ распоряженій Отдѣленій.

Означенное постановленіе печатается **вторично** въ виду поступающихъ въ Совѣтъ свѣдѣній о **продолжающейся неаккуратности о.о. Завѣдующихъ школами въ исполненіи распоряженій Отдѣленій.**

Предсѣдатель Совѣта *Архимандритъ Серафимъ.*

Дѣлопроизводитель *А. Туровскій.*

ОТЪ КОМИТЕТА при Холмскомъ Свято-Богородицкомъ Братствѣ ПО ИЗДАНІЮ „СБОРНИКА ВОЙНЫ“.

При Холмскомъ Св.-Богородицкомъ Братствѣ образованъ Комитетъ по изданію особаго сборника въ память настоящей войны.

Въ этомъ сборникѣ желательно сгруппировать весь матеріалъ, касающійся войны въ предѣлахъ Холмской и Люблинской

губерній. Сюда могутъ войти статьи о бояхъ въ предѣлахъ Холмской и Люблинской губерній, о пребываніи въ предѣлахъ Холмщины непріятеля, объ отношеніи къ мирнымъ жителямъ, объ опустошеніи мѣстностей, входившихъ въ районъ непріятельскаго расположенія, о пожарахъ и звѣрствахъ, объ отдѣльныхъ геройскихъ подвигахъ разныхъ лицъ, какъ изъ среды войска, такъ и среды духовенства и народа, объ организациіи общественной и правительственной благотворительности по призрѣнію раненыхъ и больныхъ воиновъ, а также по оказанію помощи пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій населенію, объ участіи въ войнѣ Холмскаго духовенства и приходовъ, а также нашихъ монастырей. Желательно также имѣть въ сборникѣ свѣдѣнія, какъ проходила мобилизациа въ предѣлахъ Холмской и Люблинской губерній и какія отдѣльныя событія здѣсь особенно должны быть отмѣчены (подъемъ народнаго духа при объявленіи мобилизациі, общественныя богослуженія при проходахъ ратниковъ и проч.).

Комитетъ обращается съ просьбой ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ свѣдѣніями, *не отказать въ сообщеніи этихъ свѣдѣній Комитету*, а равно о доставленіи, если возможно, фотографическихъ снимковъ, направляя ихъ на имя *Предсѣдателя Комитета о. Ректора Холмской Духовной Семинаріи Архимандрита Серафима*.

Комитетъ проситъ **по возможности не задерживать** присылку корреспонденцій, причемъ лицамъ, приславшимъ свѣдѣнія въ Комитетъ, будетъ предоставлено званіе „членовъ корреспондентовъ“ Комитета.

Секретарь А. Удиловичъ.

I.

Философія Ницше.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія особенною извѣстностью пользовалось имя германскаго философа Ницше. Около этого имени собрались друзья и враги, одинаково страстные и одинаково фанатичные.—У первыхъ имя Ницше вызываетъ восхищеніе предъ его, казалось, неслыханною съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, смѣлостью мысли; у вторыхъ упоминаніе этого имени возбуждаетъ страстное негодованіе, рѣзкую критику или презрительное молчаніе.—Сочиненія Ницше издаются на всѣхъ языкахъ. Съ ними знакомятся не только взрослые люди, но и учащееся юношество, читающее „По ту сторону добра и зла“ и Заратустру.

Слѣдуетъ отмѣтить, что этой славы Ницше достигъ только послѣ смерти. Когда его умъ еще не былъ помраченъ, онъ не только не могъ найти издателя для своихъ сочиненій и принужденъ былъ печатать ихъ на свои средства, но не находилъ въ своей отечественной землѣ даже читателей. Извѣстность Ницше начинается послѣ его духовной смерти въ 1889 году, когда стало ясно, что онъ сошелъ съ ума и его болѣзнь неизлѣчима. Такимъ образомъ онъ не слышалъ ни восторговъ и умиленія, ни ярости и негодованія, какими дарили его потомъ столь ненавистные ему „многіе жалкіе, маленькіе люди“.

Причиною страстнаго отношенія къ Ницше его почитателей и противниковъ не могло быть его возстаніе противъ Бога и религіи, противъ правилъ нравственности и всего святого, чему привыкло поклоняться человѣчество. Смѣлостью мысли міра не удивишь! И до Ницше были смѣлые умы, не менѣе, чѣмъ онъ, рѣшительные въ своемъ отрицаніи. Однако ни одинъ изъ нихъ не пользовался такимъ вниманіемъ толпы, не оказывалъ на нее такого возмущающаго вліянія, какъ Ницше. И это вліяніе съ особенною силою обнаружилось въ Германіи, но не потому только, что Германія была родиною Ницше.

Главная причина огромнаго интереса къ сочиненіямъ Ницше заключается въ ярко выраженномъ, логически обоснованномъ и со всею силою таланта Ницше опэтизированномъ ин-

дивидуализмъ, который противопоставляется у него *коллективизму*,—учению, представляющему предметъ самыхъ свѣтлыхъ чаяній толпы. Соціализмъ, который въ Германіи имѣеть наиболѣе талантливыхъ и многочисленныхъ представителей, который получилъ тамъ отличную организацію и внушилъ къ себѣ довѣріе толпы,—этотъ соціализмъ вдругъ получилъ страшный ударъ въ самой своей основѣ. Если общее благо, которое служить главнымъ основаніемъ теоретическихъ построений соціализма, не столь существенно, то соціализмъ не имѣеть никакихъ прочныхъ устоевъ и представляетъ не радикальное, а временное и условное рѣшеніе проблемы общаго счастья. Нельзя же строить зданіе общественнаго благополучія на непрочномъ основаніи.

Въ другихъ, высшихъ классахъ общества ученіе Ницше, особенно провозглашенное имъ презрѣніе къ толпѣ—черни, нашло многихъ сторонниковъ. „Сверхъ—человѣкъ“ сталъ входить здѣсь въ моду, появились маленькіе „сверхъ—человѣчки“, которые воспользовались этимъ именемъ для прикрытія своей нравственной низости, пошлости и своихъ плотскихъ appetitовъ.—Презрѣніе Ницше къ слабымъ, къ толпѣ составляетъ главную тему его сочиненій. Но это нисколько не вредитъ его успѣху у той же самой, имъ презираемой толпы, потому что каждый изъ этой толпы питаетъ въ глубинѣ души своей надежду, что презрѣніе философа къ нему не относится, что онъ принадлежитъ къ числу избранныхъ которые стоятъ выше толпы.

Характерическою чертою философіи Ницше является ея субъективность. Ницше не присяжный философъ, который занимается философіею, какъ ремесломъ. Онъ не безстрастный философъ—мыслитель, а философъ—поэтъ. Онъ живетъ, страдаетъ и радуется своею философіею. Его философія есть отраженіе его внутренней жизни, картина его внутренней борьбы, однимъ словомъ его автобіографія.—Понять эту философію можно, только зная обстоятельства личной жизни философа.

Ницше родился въ 1844 году. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ древнему польскому роду: его пращуръ въ 1715 году вынужденъ былъ бѣжать изъ своего отечества въ Германію. Въ лейпцигскомъ университетѣ Ницше обратилъ на себя вниманіе своими блестящими дарованіями и успѣшными занятіями, получилъ степень доктора безъ экзамена и безъ защиты диссертациі и былъ приглашенъ профессоромъ филологіи въ Базельскій университетъ, но въ 1879 году, по причинѣ

болѣзни, вынужденъ былъ оставить профессорскія занятія. Съ нимъ стали происходить мучительные припадки, съ каждымъ днемъ его болѣзнь усиливалась и наконецъ обратилась въ хроническую и неизлечимую. „*О какіе годы, какія муки, какое одиночество!*“ Даже его могучая воля, его стойкость оказались сломленными, какъ онъ ни старался все терпѣть и все преодолѣвать. Выпадали моменты, когда „*ему стоило величайшей рѣшимости покорно принять жизненное бремя*“. Въ 1882 году его страданія утихли и онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ для пополненія своихъ знаній и особенно для занятій естественными науками. Но болѣзнь возобновилась и снова настали для него дни невыносимыхъ страданій. Когда головныя боли утихали, онъ предавался усиленнымъ занятіямъ. Перерывистость этихъ занятій въ перемежку съ головными болями не позволяла сочиненіямъ Ницше вылиться въ систематическую форму. Всѣ его сочиненія и даже его философская поэма „Заратустра“ представляютъ рядъ краткихъ афоризмовъ самаго разнообразнаго содержанія.

Творчество среди страданій не только обуславливало форму произведеній Ницше. Оно давало и самое содержаніе его философіи. Въ своихъ сочиненіяхъ Ницше неоднократно говоритъ, какъ много онъ обязанъ своей болѣзни въ своемъ философствованіи. „Что касается моей болѣзни, то не обязанъ ли я ей болѣе, чѣмъ моему здоровью? Я обязанъ ей моею философіею“.

Тяжкая болѣзнь, во время которой Ницше создавалъ свои произведенія, положила на его сочиненія особый отпечатокъ. Его жизнь была умираніемъ, сплошнымъ страданіемъ, которое возбуждало въ немъ то отвращеніе, то ненависть, то неоднократно выраженное желаніе самоубійства, и въ тоже время эта жизнь влечетъ его къ себѣ своею красотою, своею непостижимостью. „*Отъ всего сердца люблю я жизнь и поистинѣ больше всего тогда, когда я ненавижу ее*“.

Собственная жизнь проповѣдуетъ философу физическую немощь, неотвратимость смерти, полное безсиліе предъ нею; мысль же его влечется образомъ физической силы. Страданіе постоянно даетъ себя чувствовать, а онъ воспѣваетъ радость здороваго человѣка, упоеннаго своимъ здоровьемъ.

Принужденный постоянно бороться съ своею болѣзнию, падать и подниматься, быть побѣждаемымъ и снова преодолѣвать, Ницше въ то же время испытываетъ страшную жажду положи-

тельныхъ утѣшеній, необузданной веселости. И чѣмъ тяжелѣе были его страданія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему увѣрить себя, что все это преодолимо, что больной „не имѣетъ право быть пессимистомъ“. Личная судьба становится всецѣло на сторону пессимизма, его самонаблюденіе убѣждаетъ въ томъ, что міръ есть скорбь, разложеніе, бессмыслица. Но противъ этого протестуетъ его гордый духъ, его упрямая воля, стремящаяся отнять у болѣзни всю ея силу. И среди этой борьбы ему кажется, что въ страданіи есть необходимое для его дѣла, для высоты и глубины его познанія, что слѣдуетъ не только терпѣливо переносить, но и любить. *Лишь великое страданіе является учителемъ великаго познания, послѣднимъ освободителемъ духа. Лишь великое страданіе заставляетъ насъ философовъ отбросить все доверчивое, добродушное, все мягкое, среднее, что прежде называлось человечностью.*

Эта жизнь среди страданій, эти протирѣчія, этотъ постоянный протестъ противъ всѣхъ и себя въ томъ числѣ разрываютъ душу несчастнаго философа, который воплотилъ въ себѣ все противорѣчіе духа времени, сталъ его пророкомъ и его жертвою и имѣлъ еще ужасъ сознавать весь трагизмъ своего положенія. Сознавая себя великимъ, считая себя вторымъ Христомъ, онъ въ тоже время думалъ, что съ нимъ происходитъ тоже самое, что бываетъ со всѣми великими людьми. „Тогда молилась на Бога, а этотъ богъ былъ самъ жертвеннымъ животнымъ“.

25 августа 1900 года Ницше скончался послѣ одиннадцатилѣтняго безумія на попеченіи своей сестры. По ея словамъ, Ницше всегда чрезвычайно интересовался русскими, очень любилъ русскую литературу, восхищался Пушкинымъ, Лермонтовымъ и въ особенности Достоевскимъ,—его „Записками изъ мертваго дома,“ которыя случайно прочелъ на французскомъ языкѣ. Изъ сочиненій Толстого сильное впечатлѣніе произвели на него „Казачи“. Много лѣтъ спустя, Ницше пришлось услышать русскій хоръ, исполнявшій русскія пѣсни въ національныхъ костюмахъ. Пѣніе этого хора сильно заинтересовало Ницше какъ сл. вянскимъ характеромъ мотивовъ, такъ и тѣмъ, что даже веселье и радость въ нихъ тѣсно переплетались съ меланхолическимъ настроеніемъ.

Ученіе Ницше.

Ницше называетъ себя „философомъ“. Философъ—тотъ, кто создаетъ новыя цѣнности, кто проповѣдуетъ новое ученіе

о добрѣ и злѣ, кто, въ противоположность прежнимъ представленіямъ, считаетъ цѣннымъ нѣчто новое, иное. Кратко говоря, философъ даетъ міру новые нравственные законы, сообщаетъ человѣческой жизни новое направленіе.

Чтобы проповѣдывать новое ученіе о добрѣ и злѣ, чтобы указывать для человѣчества новые пути и цѣли, необходимо усомниться въ непреложности прежней морали.

Самый важный для человѣчества вопросъ, какъ мы должны поступать. Для руководства нашею дѣятельностью мы нуждаемся въ опредѣленныхъ правилахъ или нормахъ. Поэтому ученіе о нравственности въ каждой философіи является самою важною, самою необходимою частью.—Выступая на борьбу съ прежнею моралью, Ницше учитъ не только иначе мыслить, понимать и представлять, но также иначе хотѣть и иначе поступать.—Прежніе философы считали себя знающими, что такое добро и что зло. Они хотѣли только доказать, почему это добро слѣдуетъ считать добромъ, искали обоснованія, оправданія добра. Ницше первый провозгласилъ: *„Что добро и что зло, того еще не знаетъ никто. О, братья мои, о звѣздахъ и будущемъ только мечтали и ничего не знали, а поэтому о добрѣ и злѣ до сихъ поръ только мнили и ничего не знали.“*⁽¹⁾

Ученіе о познаніе и достовѣрности познаваемого.

Въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, устойчиваго, все течетъ, все измѣняется. Поэтому и наше познаніе о вещахъ не можетъ быть устойчивымъ; оно относится не къ истинносущему, а только къ кажущемуся. Никакой прочной безпорной истины нѣтъ. Такъ говоритъ философу его „великое подозрѣніе“. Даже въ тѣхъ мѣстахъ сочиненій Ницше, гдѣ онъ изображаетъ безкорыстное исканіе истины, слышится глубокое недовѣріе къ ней или оцѣнка истины лишь какъ средства къ жизни, при чемъ истина и заблужденіе оказываются одинаково нужными и полезными. Для Ницше познаніе есть только волнующій философа душевный процессъ, который доставляетъ философу наслажденіе, нравится ему безстрашіемъ, отвагою, смѣлостью отрицанія. Въ познаніи умъ философа освобождается отъ укоренившихся мысленныхъ привычекъ, общепринятыхъ оцѣнокъ. Въ этомъ состояніи умъ долженъ быть готовъ отказаться отъ всякой истины, отъ законовъ своей мысли, признать, что во всякомъ утвержденіи и одновременномъ отрицаніи этого утвержденія есть необходимая, неизбѣжная невѣрность, которая сос-

(1) «Такъ говорилъ Заратустра», стр. 175, изд. II, переводъ съ нѣмецкаго.

твляеть необходимое условие жизни. „Самыя ложныя сужденія являются для насъ самыми необходимыми... Безъ постоянно—
невѣрнаго представленія о мѣрѣ человекъ не могъ бы жить; отреченіе отъ ложныхъ сужденій было бы отреченіемъ отъ жизни.“⁽¹⁾

Такимъ образомъ въ отношеніи къ познанію Ницше является скептикомъ, признающимъ относительность всего и даже самой истины. Свое отрицаніе истины Ницше имѣлъ мужество провести до конца. Онъ призналъ ложными всѣ основныя предположенія нашего сознанія и даже самую вѣру въ истину, потому что „истина есть женщина, которая помѣтаетъ основанія не показывать своихъ основаній.“⁽²⁾

Категоріи разсудка и законы нашего мышленія не могутъ считаться законами міра внѣшняго, объективнаго, который можетъ существовать и быть независимымъ отъ нашего сознанія и его законовъ. Самое сознаніе не есть необходимость въ жизни человека, такъ какъ жизнь шире сознанія и разума.—Органы внѣшнихъ чувствъ, которые служатъ окнами во внѣшний мѣръ, не даютъ достовѣрнаго познанія объ этомъ мѣрѣ. Зрѣніе, слухъ, осязаніе и другія чувства не столько открываютъ, сколько скрываютъ отъ насъ внѣшний мѣръ. Они замыкають насъ въ предѣлы ограниченнаго пространства и даютъ невѣрное познаніе о вещахъ; при иномъ устройствѣ они могли бы показывать совершенно противоположное тому, что показываютъ теперь. „Мы сидимъ въ сѣтяхъ, какъ науки и можемъ поймать только то, что попадаетъ въ наши сѣти.“ „Безсиліе нашихъ чувствъ окутало насъ обманчивыми ощущеніями, а они то и служатъ основою всѣхъ нашихъ ощущеній и нашего сознанія,—отсюда нѣтъ никакого выхода, никакой лазейки въ дѣйствительный мѣръ.

Итакъ, наше познаніе о мѣрѣ является совершенно субъективнымъ: мы знаемъ о мѣрѣ не то, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а то, какимъ онъ намъ кажется.

Наше „Я“ есть мѣра и оцѣнка всѣхъ вещей“⁽³⁾.

Ницше отрицаетъ достовѣрность понятій о сущностяхъ вещественныхъ (атомахъ) и духовныхъ, бытіе самознающей личности и воли, причинность и цѣлесообразность и закономѣрность міровыхъ явленій. „Ученіе объ атомахъ принадлежитъ

(1) «По ту сторону добра и зла», 4.

(2) «Утренняя заря», § 117.

(3) «Заратустра», стр. 24.

*къ вещамъ, которыя легче всего опровергнуть, и, можетъ быть, теперь въ Европѣ, среди ученыхъ, нѣтъ ни одного такого не-
вѣжды, чтобы придавать ему еще какое—либо серьезное зна-
ченіе“ (1)*

Отрицаніе достовѣрности всякаго знанія является необходи-
мымъ слѣдствіемъ ученія о субъективности знанія.

Итакъ, все познаніе и познаваемое суть фикція: истина и заблужденіе являются неразличимыми. Если, послѣ такой разрушительной работы, Ницше все же не отказывается отъ знанія, то онъ дѣлаетъ это по практическимъ побужденіямъ. Высшая цѣль человѣка не въ познаніи, а въ созданіи новой совершенной жизни. Человѣкъ долженъ быть силенъ, могущественъ, а для этого предварительнымъ условіемъ должно быть познаніе. Философъ есть человѣкъ, создающій новую жизнь. Ницше также хочетъ создать новую жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое великое человѣчество.—Прежніе философы были только мыслители, люди науки. Ницше же понимаетъ подъ философомъ великаго могущаго человѣка воли, который господствуетъ надъ людьми не только въ ихъ мысляхъ, но и въ ихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ.

Нравственныя понятія о добрѣ и злѣ отличаются такою же неустойчивостью, какъ и теоретическія истины. Жизнь можно уподобить текучей рѣкѣ, надъ которой есть мосты и мостики; они кажутся неподвижными. При взглядѣ на нихъ кто-нибудь можетъ подумать о добрѣ и злѣ: эти понятія надъ рѣкою; жизнь протекаетъ подъ ними; они же остаются неподвижными, устойчивыми, неизмѣнными. Но вотъ приходитъ весна, а съ нею и бурные теплые вѣтры; ледъ на рѣкѣ ломается и ломаетъ мосты и мостики. Все течетъ и плыветъ. Этотъ моментъ разрушенія старыхъ понятій о добрѣ и злѣ, полагаетъ Ницше, уже наступилъ. „О, братья мои, развѣ теперь не все уже въ рѣкѣ? Развѣ всѣ перила и мостки не обрушились уже въ воду? Кто станетъ еще держаться добра и зла? Горе намъ! Счастье намъ! Подулъ теплый вѣтеръ!“ (2).

Ницше сознаетъ всю опасность и грозность разрушенія нравственныхъ понятій, а потому и восклицаетъ не только „счастье намъ,“ но и „горе намъ.“ Свой подвигъ, покинувъ старое добро, искать новаго добра Ницше сравниваетъ съ рискованнымъ плаваніемъ отъ тихихъ береговъ въ открытое бурное

(1) «По ту сторону добра и зла», § 12.

(2) «Заратустра», стр. 174.

неизвѣстное море. „Я впервые вывелъ человека въ его открытое море. И вотъ его охватываетъ безпокойство, у него начинается сильнѣйшая морская болѣзнь. Море бушуетъ; все въ морѣ. Впередъ, смѣлый, старые моряки!“ („Заратустра 186“).

Ученіе о мірѣ.

Кто проповѣдуетъ новое ученіе о человѣкѣ, тотъ долженъ проповѣдывать новое ученіе о мірѣ. Смыслъ человѣческой жизни можно уяснить только въ связи съ цѣлою совокупностью бытія.

Въ ученіи о мірѣ Ницше примыкаетъ къ философіи Шопенгауера, который исходилъ изъ кантовскаго ученія о субъективности нашего познанія. Находящіяся внѣ насъ вещи мы познаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и мышленія. Эти органы познанія не воспроизводятъ въ нашемъ разумѣ вещей такъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности, а создаютъ только представленіе о нихъ. Но себя самого человѣкъ познаетъ непосредственно. Сущность нашей духовной природы открывается нашему сознанію такъ, какъ она есть въ дѣйствительности. Такимъ образомъ въ самопознаніи мы постигаемъ недоступную для чувственнаго воспріятія *вещь въ себѣ*. Эта вещь въ себѣ есть *воля*. Она есть первое, основное свойство души. Прежде, согласно съ Декартомъ, господствующую часть души считалось мышленіе. Со временъ же Канта преобладающее значеніе въ нашей душѣ усваивается волѣ. Мы имѣемъ различныя потребности, желанія, хотѣнія, а потомъ размышляемъ, чтобы удовлетворить имъ. Такимъ образомъ мышленіе въ нашей душѣ не коренное, а производное свойство, не цѣль, а только орудіе для достиженія цѣли, т. е. занимаетъ служебное положеніе по отношенію къ волѣ.

Человѣкъ, разсматриваемый извнутри, есть воля. Весь остальной міръ по своей сущности есть также *воля*. Основу жизни и дѣятельности животныхъ составляетъ стремленіе, инстинктъ, родственныя съ человѣческою волею. Растенія также одарены стремленіями: они питаются, размножаются, тянутся къ воздуху и свѣту. Въ неорганической матеріи всеобщее притяженіе массъ есть непрерывное стремленіе.

Итакъ, въ человѣкѣ, животныхъ, растеніяхъ, неорганической природѣ—стремленіе или, что тоже, воля составляетъ основу всей ихъ жизни и дѣятельности. *Весь міръ есть воля*.

Эта міровая воля дѣйствуетъ непрерывно, безостановочно.

Въ каждомъ отдѣльномъ существѣ, въ каждой самой ничтожной вещи присутствуетъ и дѣйствуетъ таже воля. Эти единичныя воли, на которыя дробится міровая воля, свирѣпо борются между собою, оспаривая одна у другой бытіе, пространство, время. Одна воля пытается побороть другую, уничтожить ее. Животныя пожираютъ растенія, одно животное пожираетъ другое, человѣкъ уничтожаетъ ихъ всѣхъ.—Міровая жизнь есть взаимная борьба, столкновение и разрушеніе. Угнетеніе слабого сильнымъ—таковъ общій законъ міровой жизни.

Зрѣлище міра, въ которомъ господствуетъ несправедливость, гдѣ одно существо поглощаетъ и истребляетъ другое, гдѣ свирѣпствуетъ неумолимый законъ борьбы, невыносимо для философа.—Неразумная воля, свирѣпствующая въ мірѣ, сознавъ въ человѣкѣ свое неразуміе, должна отказаться отъ хотѣнія бытія, чтобы такимъ путемъ прекратить борьбу и страданія, возникающія изъ этого хотѣнія. Отсюда высшій долгъ человѣка состоитъ въ отрицаніи воли, въ отреченіи отъ міра, аскетизмъ.

Такова философія атеистическаго пессимизма Шопенгауера. Ницше принимаетъ эту атеистическую философію. Только изъ философіи пессимизма, безнадежнаго отчаянія онъ хочетъ создать философію величайшей радости и утѣшенія, хочетъ осчастливить ею человѣчество. „Среди людей хочу я закатиться, умирая, хочу дать имъ свой богатѣйшій даръ“ (1).

Шопенгауеръ не далъ отвѣта на вопросъ, чего хочетъ воля. Ницше говоритъ, что эта воля хочетъ власти, могущества. Всякое существо хочетъ размножаться, увеличиваться, побѣждать и уничтожать все, что стоитъ на пути къ этому стремленію. Все, что живетъ, растетъ и движется, борется за власть и могущество. Ученые „физики“ объясняютъ всѣ явленія природы законами. Но это объясненіе есть только толкованіе, а не фактъ, не текстъ. „Всюду равенство предъ закономъ; природа въ этомъ не имѣетъ преимуществъ предъ нами.—Такова задняя мысль этихъ утверждений, въ которыхъ скрывается вражда черни противъ всего пользующагося преимуществами. Но, можетъ быть, явится нѣкто, обладающій противоположною точкою зрѣнія и противоположнымъ искусствомъ толкованія, кто въ той же самой природѣ и изъ тѣхъ же явленій усмотритъ это неумолимое и безпощадное проведеніе воли къ мощи.... Въ концѣ концовъ онъ будетъ утверждать тоже самое, что и мы, т. е., что въ мірѣ все необходимо и можетъ быть предсказано, но не потому, что въ

(1) Зарат., стр. 172.

міръ законы природы господствуютъ, а потому, что они абсолютно отсутствуютъ и всякая мощь въ каждую минуту выводитъ всь свои слѣдствія“ (1).

Итакъ, міръ есть воля, стремящаяся къ власти (2).

Эта воля не есть хотѣніе бытія. „Что существуетъ, какъ оно могло бы хотѣть существованія?“ (3)

Это есть воля уже существующаго не къ бытію, которое уже есть и потому не можетъ быть предметомъ хотѣнія, а къ проявленію бытія, къ силѣ жизни.

Ученіе Ницше о волѣ къ власти, къ могуществу дѣлаетъ міръ еще болѣе жестокимъ и страшнымъ. Но Ницше тѣмъ не менѣе не отказывается отъ этого ученія. Онъ расширяетъ и дополняетъ его такъ, что оно не только теряетъ весь свой ужасъ, но даже, по мнѣнію Ницше, должно сдѣлаться для человѣка источникомъ величайшаго утѣшенія.—Это дополненіе Ницше находитъ въ понятіи развитія. Міръ не есть бытіе законченное, остановившееся въ своемъ развитіи: онъ есть бываніе, вѣчное превращеніе. Вся совокупность живыхъ существъ представляетъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней, въ которомъ всякое высшее существо произошло изъ низшаго; каждое низшее бытіе производитъ болѣе высокое, чѣмъ оно само. Такимъ образомъ бытіе непрерывно совершенствуется, повышается. Это повышение бытія возможно только потому, что жизнь есть воля къ власти, къ могуществу и представляетъ непрерывную борьбу всѣхъ существъ между собою. Въ этой борьбѣ побѣда достается сильнѣйшему, прекраснѣйшему, могущественнѣйшему. Между побѣдителями опять возникаетъ борьба, въ которой побѣду одерживаютъ сильнѣйшіе и только такимъ путемъ улучшается, совершенствуется жизнь. Такимъ образомъ *„этотъ міръ слѣпой безпощадной воли безъ предопредѣляющаго разума со всѣми его ужасами и страданіями заслуживаетъ великаго безграничнаго одобренія и утвержденія.“*

Итакъ, бытіе не заключено въ устойчивыя неподвижныя формы: оно постоянно измѣняется. Каждое живое существо уступаетъ мѣсто высшему, которое оно же само и порождаетъ. Каждое живое существо до сихъ поръ *„предолавалось.“* *„Жизнь хочетъ восходить и преодолевать себя“.* (4).

(1) „По ту сторону добра и зла“, § 22.

(2) Тамъ же § 36.

(3) „Зарат.“ 96.

(4) „Зарат.“ 83.

Ученіе о сверхъ—человѣкѣ.

Жизнь есть вѣчное предолѣваніе. Она постепенно восходила къ высшимъ существамъ, пока не поднялась до человѣка. Должно ли развитіе міра остановиться на человѣкѣ? Нѣтъ, развитіе міра продолжается попережнему; жизнь совершенствуется, идетъ впередъ чрезъ человѣка къ существу высшему, чѣмъ человѣкъ.—Человѣкъ можетъ произвести существо болѣе совершенное, чѣмъ онъ самъ: отъ человѣка можетъ произойти *сверхъ—человѣкъ*.

Итакъ, человѣческому существу не положено предѣла. Человѣкъ можетъ перерастить свои настоящія границы, стать выше самого себя. „Я учу васъ о *сверхъ—человѣкѣ*. *Человѣкъ есть нечто, что надлежитъ преодолѣть*“ (1).

Вѣра въ *сверхъ—человѣка* должна дать смыслъ и оправданіе нашей жизни. Она должна замѣнить для насъ старинную вѣру въ Бога, должна дать намъ больше, чѣмъ давала эта вѣра. Почему? Такъ какъ міръ еще развивается, еще не законченъ, не готовъ, то человѣкъ долженъ принимать участіе въ его устроеніи. Если бы міръ былъ совершеннымъ, то человѣческое существованіе не имѣло бы смысла. Творческая воля человѣка пришла бы въ отчаяніе, расслабленіе, если бы высшее бытіе уже существовало надъ человѣкомъ. „Что оставалось бы создавать, если бы боги были?“ (2).

„Но что бы совсѣмъ открыть вамъ сердце мое, друзья мои, скажу вамъ: если бы боги были, какъ перенесъ бы я то, что я не богъ! Инакъ, боговъ нѣтъ. Я вывелъ заключеніе, но теперь оно ведетъ меня... Богъ долженъ умереть... Богъ—лишь предположеніе. Я же хочу, чтобы ваше предположеніе не простиралось далѣе, чѣмъ ваша зиждущая воля. Можете ли вы создать Бога? Такъ будемъ же молчать о богахъ! Но вѣдь вы за то можете создать *сверхъ—человѣка*... Можетъ быть, не вы сами, но вы можете стать предками *сверхъ—человѣка*... Исчезли всѣ боги; теперь мы хотимъ, чтобы жилъ *сверхъ—человѣкъ*“ (3).

„Ученіе о единомъ и цѣломъ, о недвижимомъ и вседовольномъ и непостижимомъ—это зло, это вражда къ людямъ.“ Выше человѣка нѣтъ ничего. Человѣкъ стоитъ на вершинѣ міра и строитъ міръ выше. „Созданіе есть великое освобожденіе отъ страданія и облегченіе жизни.“

(1) «Заратустра», 171.

(2) «Заратустра», 72.

(3) «Зарат.», 67.

Человѣчество искони томилось тоскою по болѣе болѣе высокому бытію. Это томленіе человѣческаго духа прекрасно выражено въ слѣдующемъ 4-стишіи Гете:

„Лишь символъ все, что Богъ творить
Въ земномъ, тѣлесномъ мірѣ;
Святая истина зарить
Въ небесномъ лишь эфирѣ„.

Ницше учитъ, что этого высшаго бытія еще нигдѣ нѣтъ. Оно должно быть создано нашими силами и при томъ въ этомъ несовершенномъ, несчастномъ, жалкомъ мірѣ. *„Мое „Я“ научило меня не зарывать головы въ песокъ небесныхъ днѣзъ, а носить ее свободно, какъ принадлежащую землю“* (1).

„За человѣка цѣпляется моя воля... такъ влечетъ меня къ сверхъ—человѣку. Заклинаю васъ, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тому, кто говоритъ вамъ объ иныхъ надеждахъ.—Глядите, я учу васъ о сверхъ—человѣку лежитъ мое сердце. Онъ мое первое и единственное, а не человѣкъ, не ближній, не бѣднѣйшій, не болѣе страждущій, не лучшій“ (2).

Ницше признается, что онъ самъ не въ силахъ создать ясный, опредѣленный образъ сверхъ—человѣка. Заратустра на запросъ объ этомъ своей совѣсти *„скажи слово свое и умри“*—отвѣчаетъ, подражая словамъ Іоанна Крестителя: *„Ахъ, это развѣ мое слово? Кто я такой? Я жду болѣе достойнаго. Я недостойнъ даже разбиться объ него“* (3).

Однако изъ отдѣльныхъ мѣстъ сочиненій Ницше можно собрать въ одно цѣлое нѣкоторыя черты сверхъ—человѣка.

Сверхъ—человѣкъ будетъ совершенною противоположностью современнаго человѣчества. Въ немъ отрицается все маленькое и среднее и возвеличивается все, изъ ряда вонъ выходящее, будетъ ли это доброе или злое. Сверхъ—человѣкъ будетъ аристократомъ (въ противоположность современному демократизму), существомъ одинокимъ и въ высшей степени индивидуальнымъ (вопреки ученію о всеобщемъ равенствѣ), злобнымъ и эгоистичнымъ, не сдерживающимъ своихъ страстей, все дѣлающимъ по капризу своей воли, не признающимъ общепризнанныхъ оцѣнокъ. Это—высшее, чѣмъ человѣкъ, существо, здоровое, красивое, могучее по своей тѣлесной природѣ, самолюбивое и властное по духу.

(1) „Зарат.“ 24.

(2) „Зарат.“ 241.

(3) „Зарат.“ 126.

Такимъ образомъ сверхъ-человѣкъ представляетъ соединеніе всего сильнаго въ человѣческой природѣ, созданной „по ту сторону добра и зла.“ Единство сообщаетъ ему крѣпкая, освобожденная воля. Въ настоящее время человѣкъ раздвоенъ между условностями добра и зла и развивается односторонне, освобождая одно и подавляя другое. Вслѣдствіе этого воля къ власти и силы этой воли тратятся въ человѣкѣ на внутреннюю борьбу. Человѣкъ сознаетъ себя тюремщикомъ и заключеннымъ въ одно и тоже время. Духъ „тяжести“, т. е. долга, сдавливаетъ его, а страсти просятся на свободу. *„Твои дурныя наклонности жаждутъ свободы. Твои дикія собаки хотятъ на свободу; они лаютъ отъ удовольствія въ своей конурѣ, когда духъ твой старается отпереть всѣ темницы“.* (1).

Сверхъ-человѣкъ свободенъ въ этомъ отношеніи. Выпущенныя на свободу страсти составляютъ его добродѣтели. Теперь онѣ находятся въ подчиненіи великому „дракону“, имя которому „ты долженъ.“ Теперь онѣ заключены въ черномъ „гробѣ“ моральныхъ ученій. Но если бушующій вѣтеръ проповѣди философа распахнетъ обѣ половинки этого гроба или даже разобьетъ его вдребезги, то не запахомъ тлѣнія и гнили повеетъ на насъ, а изъ гроба раздастся „невинный дѣтскій хохотъ“ тысячи голосовъ.

Ницше убѣжденъ, что природа страстей невинна, ибо все по природѣ есть одна и таже воля къ власти, къ могуществу. Грѣха нѣтъ; грѣхъ родился не изъ страстей, а изъ понятія о грѣхѣ. Уничтоживъ понятіе о грѣхѣ, мы уничтожаемъ и самый грѣхъ, мы возвращаемъ наши чувства къ невинности звѣрей и растений. Страхъ грѣха, тяготѣвшій надъ человѣческою душою, стѣснявшій свободное проявленіе ея страстей и влеченій, по мнѣнію Ницше, долженъ быть уничтоженъ. Грѣхъ—душитель свободныхъ проявленій души. Заратустра „задушилъ душителя, который называется грѣхомъ“. (2). *М. Булаковъ.*

(Продолженіе будетъ).

Воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ въ с. Потуржинѣ Томашовскаго уѣзда.

Мобилизація запаснымъ Потуржинской гмины происходила 19 Юля при гминной канцеляріи, находящейся въ селѣ Потур-

(1) «Зарат.» 34.

(2) «Заратустра», стр. 194.

жинѣ и произведена была въ образцовомъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ запасными, которыхъ было до 300 человекъ, собралась многочисленная толпа крестьянъ женщинъ и дѣтей, какъ мѣстнаго села, такъ и изъ другихъ селъ, входящихъ въ составъ гмины; тутъ-же расположены были и подводы для отправки запасныхъ. Меня, какъ настоятеля прихода, и прибывшаго къ сему времени настоятеля Витковскаго прихода, пригласили отслужить напутственный молебенъ. Передъ зданіемъ гмины установленъ былъ аналой съ зажженными на немъ свѣчами, крестомъ, евангелиемъ и св. водою. Священники въ облаченіяхъ, псаломщикъ и пѣвчіе стали пѣть молебенъ. Всѣ обнажили головы. Настоятелемъ сказано было слово, въ которомъ объяснено было присутствующимъ о причинахъ, вызвавшихъ мобилизацію: защита родной страны и славянскихъ народностей, а главнымъ образомъ Сербіи, попираемой австрійцами. Послѣ возглашенія многолѣтня Государю Императору и осѣненія крестомъ народа, пропѣтъ былъ пѣвчими нѣсколько разъ гимнъ, подхваченный народомъ и раздалось многократное „ура“. Запасные безъ различія вѣроисповѣданія подходили цѣловать Св. Крестъ и окроплялись Св. водою, а въ то время пѣвчіе пѣли „Спаси, Господи, люди Твоя“. Затѣмъ запасные быстро занимали приготовленные подводы и, прощаясь съ семействами и родственниками, уѣзжали на сборный пунктъ въ г. Замостье.

Одновременно съ мобилизаціей сняты были пограничные посты въ Долгобычевѣ, Сушевѣ, Новоселкахъ, не много позже почтовые станціи въ с. Долгобычевѣ и Лашовѣ, такъ что корреспонденцію пришлось получать изъ г. Грубешова. Въ ближайшее воскресенье прочитанъ былъ Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны Германіей и отслуженъ былъ молебенъ о побѣдѣ надъ супостатами; тоже прочитанъ былъ Манифестъ и въ приписной церкви села Жабче и отслуженъ молебенъ. Послѣ полученія 2-го Манифеста объ объявленіи войны австрійцами прихожане также оповѣщались и служились молебны.

Послѣ мобилизаціи нѣкоторое время на границѣ было затишье, лишь изрѣдка распространялись слухи о ружейныхъ выстрѣлахъ на границѣ, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій. 30 Іюля прибыла въ с. Потуржинъ со стороны г. Грубешова кавалерійская дивизія, которая останавливалась на ночлегъ въ селѣ и на слѣдующій день отправилась въ Галицію. Съ этого времени каждый день видны были за границей зарева пожаровъ, и слышны были залпы артиллерійскихъ орудій. 10-го

августа та же дивизія возвратилась опять въ с. Потуржинъ и расположилась во дворѣ и кругомъ приходскаго дома. Офицерамъ предоставлено было помѣщеніе въ домахъ причта, выдавалось сѣно для лошадей и офицерамъ все нужное для ужина и ночлега.

Между возвратившимися оказались легко ранеными нѣсколько человекъ и лошадей. По рассказамъ, дивизія прошла до Сокала. Въ Сокалѣ заняла желѣзно-дорожную станцію, взорвала мостъ на Бугѣ и имѣла перестрѣлку съ австрійцами. На слѣдующій день дивизія снялась и направилась къ г. Грубешову. Спустя нѣсколько дней по уходѣ конницы, именно 13 августа, пришла въ Потуржинъ дивизія русской пѣхоты съ артиллеріей, обозомъ, частью конницы и телефоннымъ паркомъ. Какъ по уходѣ конницы, жители были въ уныніи, ожидая съ дня на день непріятеля, такъ теперь при появленіи пѣхотныхъ отрядовъ, всѣ обрадовались.

Солдаты заняли дома крестьянъ, гдѣ ихъ радостно принимали и угощали, чѣмъ только могли. Дивизионный генераль съ адъютантомъ и старшими офицерами помѣстились въ приходскомъ домѣ, гдѣ были встрѣчены со всѣмъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Переночевавъ въ Потуржинѣ, дивизія раннимъ утромъ направилась въ Галицію.

Затѣмъ получена была радостная вѣсть о битвѣ подъ Лашовомъ, отстоящимъ отъ Потуржина въ 14 верстахъ, въ который было взято много плѣнныхъ, 18 пушекъ и много зарядныхъ ящиковъ. Всѣ эти пушки, ящики, плѣнные проходили черезъ Потуржинъ. Около этого времени надъ селомъ показывались аэропланы, а 14 августа одновременно явилось ихъ уже четыре.

Всѣ эти передвиженія войскъ, обозовъ, казаковъ, аэроплановъ предвѣщали недоброе. Уже 15 августа попадались бѣженцы изъ пограничныхъ селъ, которые то пѣшкомъ, то на подводахъ уходили внутрь страны. 16 августа надъ Потуржиномъ стали пролетать прапнели, одна изъ которыхъ упала на дорогѣ, не разорвавшись, въ 30 саженьяхъ отъ церкви и ушла глубоко въ землю. Носился слухъ, что австрійцы перешли нашу границу, находятся въ Радковѣ и другихъ селахъ вблизи Потуржина. Село Потуржинъ и Жабче вдругъ опустѣли. Жители, кто на подводѣ съ семействомъ, кто пѣшкомъ, гоня передъ собой скоть, бросили село, оставляя дома и все имущество на волю Божию и направлялись къ с. Верешину, Грубешовскаго уѣзда и дальше.

17 августа, въ воскресенье, я пораньше отслужилъ службу, на которую собралось немного прихожанъ, и получивъ извѣщеніе, что австрійскіе разъѣзды уже подходили къ Потуржину, собрался на всякій случай пойти къ помѣщику, чтобы во время нападенія австрійцевъ не попасть имъ въ первую голову и не подвергнуться насиліямъ, такъ какъ уже было извѣстно о насиліяхъ надъ нѣкоторыми священниками Бѣлгорайскаго уѣзда. Но не успѣлъ я пробыть въ домѣ помѣщика и часа времени, какъ уже показались австрійцы и началась артиллерійская пальба изъ орудій. Въ виду явной опасности отъ выстрѣловъ въ домѣ помѣщика въ погребахъ собралась многочисленная дворня съ женщинами и дѣтьми. Я тоже вмѣстѣ съ помѣщикомъ сошелъ внизъ, но потомъ, вслѣдствіе тяжелаго воздуха въ погребахъ, перешелъ въ столярную мастерскую, расположенную около погребовъ. Оставшіеся въ селѣ крестьяне, а также рабочіе сахарнаго завода прятались въ вырытыхъ ямахъ, погребахъ и т. п. помѣщеніяхъ. Наши войска расположены были близъ Витковскаго лѣса, а австрійскія подъ Сушевомъ и вблизи сада Потуржинскаго помѣщика. Артиллерійскіе снаряды направлены были русскими противъ сахарнаго завода и усадьбы помѣщика, гдѣ предполагались австрійцы. Нѣсколько снарядовъ ударило въ домъ директора завода, изъ которыхъ одинъ засѣлъ въ каменной стѣнѣ, вторымъ совершенно разрушена комната въ верхнемъ этажѣ, — другими зажжены вблизи фабрики кошары, т. е. домъ для рабочихъ, частный домъ, покрытый жестью, а также дома псаломщика, расположенный на разстояніи 20 сажень отъ церкви, сгорѣвшій до основанія; ружейными и пулеметными пулями разбито много стеколъ въ домахъ служащихъ сахарнаго завода. Вблизи усадьбы помѣщика сгорѣли 2 скирды съ овсомъ, а на полѣ сарай съ собраннымъ хлѣбомъ. Орудійный огонь продолжался до вечера и всѣ, засѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ, съ ужасомъ ожидали, что будетъ дальше. Подъ вечеръ въ домъ помѣщика австрійцы начали свозить раненыхъ, дворъ окруженъ былъ войскомъ и заняты имъ всѣ службы.

Служащіе, спрятавшіеся въ погребѣ подъ домомъ помѣщика, были арестованы и къ нимъ приставленъ караульный. Когда я сидѣлъ впотьмахъ въ столярной, рядомъ съ погребками, окна которой расположены въ уровень съ землею, вдругъ окна освѣтились снаружи фонарями и австрійцы, увидѣвъ меня, вышибли окна, ворвались въ помѣщеніе въ числѣ 8 человекъ съ ружьями и, направивъ противъ меня штыки съ окрикомъ

„маршъ“, указали мнѣ на окно, чтобы слѣдовать за ними въ садъ. Минута для меня была страшная, я подумалъ, что они могутъ меня въ саду въ темнотѣ растерзать, и въ отчаяніи крикнулъ имъ по-нѣмецки, что вотъ двери направо и указалъ на нихъ рукою. Тогда нѣсколько солдатъ пошло впередъ въ указанную дверь, другіе позади меня и препроводили меня черезъ корридоръ въ погребъ, гдѣ размѣстились и были арестованы служащіе помѣщика. Въ погребахъ мы сидѣли до 12 часовъ ночи. За это время постоянно приходили къ намъ австрійцы по нѣсколько человѣкъ, считали всѣхъ, осматривали съ фонарями всѣ углы и, наткнувшись на отдѣльный погребъ, въ которомъ хранились разные напитки помѣщика, стали оттуда выносить бутылки. Это повторялось много разъ и каждый разъ солдаты пересчитывали сидѣвшихъ, а главнымъ образомъ указывали на меня, повторяя „поппе, поппе“. Вдругъ около полуночи вошло въ помѣщеніе заразъ до десятка солдатъ и приказали всѣмъ выходить, вывели на площадь передъ домомъ помѣщика и окружили конвоемъ. Всѣ стояли въ страхѣ, ожидая неминуемой смерти. Женщины съ дѣтьми падали на колѣни и начали громко съ рыданіями призывать на помощь Матерь Божию. Такъ мы стояли на мѣстѣ съ $\frac{1}{4}$ часа, но одинъ солдатъ изъ чеховъ началъ успокаивать, что ничего намъ не будетъ сдѣлано. Потомъ раздалась команда: „маршъ на сахарный заводъ“. Съ фонаремъ впереди, окруженныхъ войскомъ повели всѣхъ на заводъ и помѣстили въ домъ директора завода, гдѣ въ тѣнотѣ на полу просидѣли до утра. Съ разсвѣтомъ, когда началась пальба, указали намъ помѣщеніе въ погребахъ директора подъ тѣмъ же домомъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ пробыли мы трое сутокъ т. е. съ 17—19 августа, такъ какъ три дня происходило сраженіе. Къ счастью рядомъ съ погребами находилась кухня директора, въ которой можно было готовить чай и кой-какое кушанье, для котораго приносилась провизія изъ сосѣдней фабричной лавки. Когда австрійцы вывели насъ изъ дворскаго помѣщенія въ сахарный заводъ, то оказалось, что на наше мѣсто посадили другихъ арестованныхъ: австрійцы разыскивали всѣхъ жителей, находящихся въ селѣ, помѣщали ихъ въ погреба, конюшни, сараи и т. п. Сестра моя, псаломщикъ съ женою и 2 дѣтьми первоначально, когда австрійцы вошли въ село, прятались около дома въ погребѣ и сараѣ и провели ночь на дворѣ въ огородѣ, но на утро замѣчены были австрійцами и преведены были къ намъ на сахарный заводъ къ остальнымъ арестованнымъ.

Когда все почти жители села были упрятаны, начался повсеместный грабеж: разбивались в домах окна, двери и уносилось все имущество, имѣющее какую-нибудь цѣнность. Въ грабежѣ принимали участіе не только солдаты, но и обозники. Приходской домъ разграбленъ начисто; разбили даже столы, шкафы, выбросили на полъ всякія бумаги, изъ кладовой и погреба унесли всякую живность, перебили въ домѣ посуду, зеркала, портретъ Государя Императора разбили и разорвали. въ пачкѣ нѣсколько ульевъ сожгли, а остальные разрабили, угнали 7 штукъ скота и под. Потери мои исчисляются на 1500 рублей. У псаломщика почти все имущество въ домѣ сгорѣло и кромѣ того уведено 3 штуки скота; потерпѣлъ убытка на 340 рублей. Такому-же опустошенію подверглась гминная канцелярія, въ которой разбиты шкафы, все дѣла выброшены на полъ и потоптаны, разбитъ несгораемый шкафъ, но онъ оказался пустымъ, пробовали разбить и другой шкафъ, но это не удалось, уничтожены портреты Государей, а въ квартирѣ писаря разбито зеркало, изъ библиотечнаго шкафа выброшены книги; въ школѣ равнымъ образомъ попорчены портреты Государей и выброшены школьныя книги. 20 августа наши войска отступили къ Грубешову, а австрійскіе двинулись дальше. Въ с. Потуржинѣ оставался еще австрійскій обозъ, который расположился въ домѣ и около дома помѣщика. Намъ арестованнымъ разрѣшалось уже выходить, для чего однимъ изъ старшихъ выдавался пропускъ на клочкѣ бумаги. Въ это время черезъ Потуржинъ проходили австрійскіе обозы. Когда я съ сестрою и псаломщикомъ вошелъ въ свой домъ, то увидѣлъ въ домѣ неописуемый разгромъ: все въ грязи, полы запачканы медомъ (котораго около 20 пудовъ унесли изъ кладовой), столы перевернуты, посуда перебита, все выброшено и потоптано. Подошли къ пачкѣ, вижу что одинъ улей пламенемъ горитъ, позвалъ сторожа и псаломщика помочь заливать огонь;—въ это время къ забору подходит австрійскій офицеръ, вѣроятно, изъ обоза и проситъ дать ему немного меду, я ему объясняю, что весь медъ уже взятъ и ничего не осталось.

Возвращаюсь съ сестрою около церкви опять къ заводу; вдругъ подскакиваетъ ко мнѣ австрійскій солдатъ съ ружьемъ и требуетъ меня къ своему начальству. Противъ приходского дома на лугу поставленъ столъ, кругомъ стола сидитъ человекъ 6 офицеровъ, которые должно быть тамъ обѣдали и передъ ними на столѣ карта. Сестра псаломщика и др., увидѣвъ что меня ведетъ солдатъ, испугались, думая, что меня арестуютъ и возь-

мутъ въ плѣнъ или-же повѣсятъ. Меня стали разспрашивать, кто я, давно ли здѣсь и гдѣ живу. Отвѣтивъ на предложенные вопросы, я спросилъ, могу-ли уже уходить. Получивъ утвердительный отвѣтъ, ушелъ на фабрику, поручивъ сестрѣ съ служанкой приводить домъ въ порядокъ.

19 августа около 10 ч. утра, т. е. на третій день сраженія, произошелъ около дома помѣщика весьма прискорбный случай. Въ погребѣ въ саду вблизи усадьбы помѣщика, какъ указано было выше, помѣщено было много народа, собраннаго австрійцами изъ села и главнымъ образомъ изъ фольварочной прислуги съ женщинами и дѣтьми. Хотя имъ не разрѣшалось еще выходить по домамъ, но они вышли изъ погреба на площадку подышать свѣжимъ воздухомъ. Неподалеку находились австрійскіе солдаты и санитарныя фуры. Это сборище, вѣроятно, привлекло вниманіе русскихъ и вдругъ разорвалась шрапнель, убила на мѣстѣ 16 человекъ и нѣсколькихъ ранила. Въ томъ-же дворскомъ саду австрійцы похоронили ихъ въ общей могилѣ; за исключеніемъ двухъ дѣтей, которыя по усиленной просьбѣ матери похоронены были отдѣльно.

Кромѣ того австрійцами было еще приколото штыками двое людей, которые работали въ полѣ около вѣтряной мельницы и при приближеніи австрійцевъ спрятались на мельницѣ. Изъ нихъ мужъ вскорѣ умеръ, а женщина выздоровѣла.

Въ селѣ Потуржинѣ находится нѣсколько еврейскихъ лавокъ и потребительская лавка на сахарномъ заводѣ. Всѣ они подверглись разгрому и опустошенію. Не было исключенія и для магазина сахарнаго завода. Австрійцы оторвали дверь и уносили сахаръ, одни въ ведрахъ, другіе въ мѣшкахъ и разнесли его около 1000 пудовъ; когда объ этомъ дали знать помѣщику, то онъ пришелъ съ старшимъ офицеромъ, закрылъ двери и прекратился дальнѣйшій разгромъ.

Какъ въ с. Потуржинѣ, такъ и въ селѣ Жабче, въ которомъ находится церковь, принадлежащая къ Потуржину, при нашествіи австрійцевъ, они первымъ образомъ арестовали жителей, оставшихся въ селѣ, и помѣстили часть на фольваркѣ въ сараѣ, а часть въ церкви, но когда не нашли ключей отъ церкви, потому что староста былъ уже арестованъ, то они разбили замокъ, порубили дверной косякъ и испортили засовъ въ ризницѣ. Продержавъ людей въ церкви нѣсколько часовъ, отпустили. Одному человѣку, котораго заподозрили въ шпионствѣ, скрутили веревкой руки и въ такомъ положеніи продержали всю

ночь. При отступленіи австрійцевъ, проходившій солдатъ постучался въ одинъ домъ и когда, на требованіе его открыть дверь, вышелъ мальчикъ 12 лѣтъ, солдатъ выстрѣломъ убилъ его на мѣстѣ. 20 августа мать убитаго мальчика пришла въ Потуржинъ въ то время, когда я еще былъ на фабрикѣ, и просила похоронить его, заявивъ, что умершаго принесли уже въ церковь. Желая исполнить ея просьбу, я отправился съ конвойнымъ австрійскимъ солдатомъ къ старшему офицеру, находящемуся въ домѣ помѣщика за разрѣшеніемъ поѣхать въ ближайшее село исполнить требу, но тотъ не далъ разрѣшенія, заявивъ, что въ военное время нельзя отлучаться. Такъ и похоронили его сами жители, но потомъ совершенно было мною отпѣваніе надъ могилою.

21-го и 22-го августа началось отступленіе австрійцевъ изъ-подъ г. Грубешова. Днемъ и ночью проходили войска и обозы, направляясь къ границѣ. Затѣмъ 23-го числа уже поздно вечеромъ вѣзжаетъ ко мнѣ во дворъ арьергардъ въ составѣ 20 кавалеристовъ съ офицеромъ и требуютъ по случаю ненастья размѣстить лошадей по сараямъ, а для офицера приготовить комнату съ постелью. Солдаты на кухнѣ готовили себѣ ужинъ, а утромъ уѣхали. Какъ офицеръ, такъ и солдаты, обошлись довольно порядочно. 24 августа появился въ с. Потуржинъ разъѣздъ казаковъ, а 25-го въ понедѣльникъ вблизи Потуржина не далѣе, какъ въ полуверстѣ, между селеніями Василевомъ и Верешинѣмъ разыгралось крупное сраженіе. Съ утра до 4 часовъ по полудни раздавались орудійные выстрѣлы, трещали пулеметы и ружейная пальба. Мы находились дома и могли изъ оконъ наблюдать, какъ рвутся шрапнели. Земля дрожала, окна звенѣли.—Стояла въ Потуржинѣ сотня казаковъ, офицера взобрались на колокольню наблюдать картину боя, солдаты влѣзали на крыши домовъ смотрѣть на сраженіе. Но вотъ около 5 часовъ бой стихаетъ,—австрійцы разбиты,—казаки быстро уѣзжаютъ для преслѣдованія убѣгающихъ. Появляется санитарный обозъ съ докторами, которые подъѣзжаютъ къ приходскому дому и требуютъ очистить квартиру для перевязки раненыхъ. Но раненыхъ въ домъ не привозили, а помѣщали ихъ то въ гминѣ, то въ школѣ, а главнымъ образомъ въ сахарномъ заводѣ, въ которомъ оказалось весьма удобное помѣщеніе для множества раненыхъ.—Но вотъ къ приходскому дому подъѣзжаетъ санитарная повозка, съ которой снимаютъ тяжело раненаго солдатика и на носилкахъ укладываютъ на землю около воротъ. Доктора, санитары и мы тоже подходимъ къ раненому

и съ удивленіемъ видимъ, что у него выколоты оба глаза и вырѣзанъ языкъ. Оказалось, что солдатъ, будучи въ разѣздѣ, попалъ въ плѣнъ и австрійцы заставляли его стрѣлять въ русскихъ, но такъ какъ онъ не согласился, то его подвергли этому страшному истязанію. Несчастнаго уложили снова на повозку и повезли къ тяжело раненымъ, но онъ вскорѣ скончался.

Вмѣстѣ съ ранеными русскими и австрійцами, которыхъ по рассказамъ докторовъ было до 1300, привели на фабрику множество плѣнныхъ австрійцевъ, которые на слѣдующій день партіями вмѣстѣ съ легко-ранеными отправились во Владиміръ Волынской. Тяжело-раненые оставались на фабрикѣ еще нѣскольکو дней. Изъ нихъ 20 человекъ русскихъ и почти столько же австрійцевъ умерли и они похоронены были вблизи завода въ двухъ общихъ могилахъ. Когда могила русскихъ была уже готова и уложили въ нее умершихъ, то причтомъ совершенно было отпѣваніе и поставленъ крестъ. На полѣ сраженія находилось много убитыхъ, которыхъ мѣстные крестьяне хоронили и надъ могилами дѣлали насыпи. Такъ окончилось нашествіе австрійцевъ на село Потуржинъ, крестьяне стали возвращаться къ своимъ очагамъ и приниматься постепенно за хозяйственныя работы. Увидѣвъ свои дома и постройки уцѣлѣвшими, прихожане стали усердно приносить свою благодарность Господу Богу за спасеніе, выражающуюся какъ въ общественныхъ богослуженіяхъ, такъ и частныхъ молебствіяхъ, совершаемыхъ по желанію прихожанъ.

Настоятель Потуржинскаго прихода

Протоіерей *Прокъ Гомеля.*

Свѣдѣнія изъ Щебрешина о переживаемой войнѣ.

Мобилизація, объявленная 18 іюля 1914 года, прошла быстро и въ полномъ порядкѣ. Населеніе было въ приподнятомъ настроеніи. Вездѣ только и можно было видѣть кучки собравшихся мужчинъ, а подчасъ и женщинъ, толковавшихъ о предстоящей войнѣ.

Въ концѣ іюля участились наши разѣзды въ Щебрешинѣ и его окрестностяхъ. Въ началѣ августа стали появляться и австрійскіе разѣзды. А 6 августа начальникъ Щебрешинской почтово-телеграфной конторы вынужденъ былъ вывезти изъ Щебрешина казенное имущество. Касса и документы городского магистрата были вывезены гораздо раньше.

Надвигалась австрійская пѣхота и артиллерія. Въ ночь съ 10 на 11 августа австрійцы устанавливали свою артиллерію на горѣ, со стороны Звѣринца, въ верстахъ шести отъ Щебрешина. 11 августа около 8 часовъ утра въ деревню Болонье прибыли казаки и пѣхота съ артиллеріей. Большая часть нашей конницы и пѣхота съ артиллеріей расположилась за рѣчкой возлѣ деревни Броды. Въ воздухѣ слышалось жужжаніе: это нашъ аэропланъ возвращался съ развѣдки. Съ аэроплана бросили бумагу съ сообщеніемъ, что непріятеля много. Скоро затрещали ружейные выстрѣлы. Пѣхота наша подъ прикрытіемъ артиллеріи пошла въ атаку по направленію къ сосѣднему лѣсу, гдѣ засѣлъ непріятель, но была отбита, благодаря численному превосходству противника и его выгодному положенію. Между тѣмъ завязался артиллерійскій бой. Нашимъ войскамъ много вредили двѣ пушки, спрятанныя австрійцами на горѣ; но мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи ихъ заставили замолчать. Бой продолжался съ утра до вечера. Наша артиллерія преимущественно громила лѣсъ; причемъ послѣ залповъ казаки неоднократно стремительно бросались на засѣвшего въ лѣсу непріятеля, но безъ особенныхъ результатовъ. Впрочемъ, одинъ разъ имъ удалось захватить 10 австрійцевъ во главѣ съ офицеромъ. Къ вечеру наша батарея покинула позицію и вступила въ городъ; вслѣдъ за ней двинулась пѣхота съ конницей. Войска расположились въ ожиданіи обѣда. Повидимому, наши намѣрены были на слѣдующій день возобновить сраженіе, такъ какъ изъ города не спѣшили уходить и, кромѣ того, оставили впереди часть пѣхоты и конницы на сторожѣ. Съ уходомъ нашей батареи съ позиціи послѣднюю заняли австрійцы; однако, они скоро оставили ее. По всему было видно, что они боялись покинуть насиженные ими въ лѣсу мѣста, и отступленіе нашихъ войскъ считали лишь ловушкой, не имѣя точныхъ свѣдѣній о ихъ количествѣ. Нашихъ же войскъ была только одна дивизія, въ то время какъ австрійцевъ было нѣсколько корпусовъ. Поэтому уже ночью полученъ былъ приказъ отступать и забирать раненыхъ, которыхъ было около 60 человекъ; и наши отступили на сѣверъ по направленію къ Жолкіевкѣ. Слѣдующій день 12 августа прошелъ спокойно. Появившійся въ Щебрешинѣ сего числа небольшой австрійскій отрядъ для осмотра города расположился на больничномъ дворѣ. Офицеръ отряда предложилъ бургомистру города Щебрешина Федоновичу исправить мосты, испорченные выступившими казаками. Бургомистръ кате-

горически отказался исполнить такое предложеніе. Несмотря на это, офицеръ не арестовалъ бургомистра по какимъ-то соображеніямъ, а оставилъ его на свободѣ до слѣдующаго дня. Въ ночь съ 12 на 13 августа все время, какъ тучи, двигались австрійскія войска, и утромъ 13 августа многочисленный австрійскій обозъ и артиллерія вступили въ Щебрешинъ. Три батареи расположились на горкѣ около кладбища: одна подлѣ самаго кладбища, другая нѣсколько поодаль и третья въ сторонѣ. Впереди была выдвинута пѣхота. Въ то же время наши войска, состоявшія изъ одной дивизіи, надвинулись со стороны Замостья и окопали свои орудія около Клеменсова, Недѣлисокъ и около другихъ сосѣднихъ деревень. Въ этотъ же день австрійцы арестовали бургомистра Федоновича, котораго и помѣстили около упомянутыхъ выше батарей. Около 9 часовъ утра раздался первый орудійный залпъ по линіи расположенія нашихъ войскъ. Началось общее сраженіе, во время котораго австрійцы то и дѣло заставляли бургомистра Федоновича смотрѣть въ бинокль на русскія войска, желая убѣдить его въ томъ, что русскіе солдаты плохо стрѣляютъ. Подъ вечеръ раздалась учащенная перестрѣлка. Вдругъ самодовольныя лица австрійцевъ, считавшихъ нашу артиллерію ни къ чему негодной, изобразили ужасъ. Поражая непріятели мѣткимъ орудійнымъ огнемъ, наша артиллерія сбила его батареи, нанеся уронъ врагу только ранеными въ 1500 человекъ. Австрійцы въ паникѣ бѣжали съ занятой позиціи въ деревню Броды, уводя съ собой и бургомистра. Они нѣсколько разъ то приговаривали его къ разстрѣлу, то отмѣняли свой приговоръ, причиняя плѣнику нравственныя страданія. На подкрѣпленіе австрійцамъ продолжали двигаться все новыя и новыя силы разнаго рода орудія, и ночью они продвинулись впередъ, оставивъ въ Щебрешинѣ часть войска въ полной боевой готовности. Въ слѣдующіе дни также двигались войска и обозы съ охраной. Причемъ конница двигалась лѣсомъ черезъ предмѣстье Щебрешина Шперовку и другія деревни.

Господство австрійцевъ въ Щебрешинѣ особенно тяжело отражалось на православномъ населеніи. Разыскивая православныхъ въ Щебрешинѣ и его окрестностяхъ, австрійцы называли ихъ имена и фамиліи. Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что они имѣли списки православныхъ. Начались аресты: сторожей магистрата Николая Новосада и Николая Рожко, а также сторожа почтово-телеграфной конторы Буриты и арендатора церковной земли Судака, у котораго немало забрали овса,

пшеницы и скота. Былъ арестованъ и одинъ полякъ Гдуля, мѣщанинъ щебрешинскій, за то, что у него на дворѣ кто-то выстрѣлилъ изъ пугача (игрушечное ружье) во время прохода австрійцевъ. Гдулю возили вмѣстѣ съ бургомистромъ и наконецъ обоихъ помиловали. Помиловали также вышеупомянутыхъ сторожей и арендатора Судака. А одного изъ православныхъ жителей Щебрешина, отставного фельдфебеля Чемищева, при отступленіи 25 августа, увели въ Австрію и что съ нимъ сдѣлали — неизвѣстно. Отъ орудійныхъ выстрѣловъ Щебрешинъ не пострадалъ. Сгорѣлъ только одинъ сарай отъ попавшей въ него шрапнели. Разграблено одно лишь двухклассное училище, въ которомъ съ 11 по 25 августа помѣщался австрійскій лазаретъ.

Учитель *Лаврентій Евтушикъ*.

Библиографическая замѣтка.

А. Д. Троицкій. Евангельскія блаженства (завѣты Спасителя о жизни и счастіи). Всестороннее изъясненіе Христовыхъ заповѣдей блаженствъ. Кіевъ, 1914 г. Стр. 118. Ц. 75 к.

Брошюра г. Троицкаго представляетъ отрадное явленіе. Потребность въ книгѣ съ подобнымъ освѣщеніемъ предмета была ошутительна давно. За послѣднее десятилѣтіе книжный рынокъ переполненъ всевозможными книжками и брошюрами антихристіанскаго направленія; свободно и развязно трактуется въ нихъ о высокихъ предметахъ христіанской вѣры и морали; тенденціозному изъясненію подвергалась при этомъ и нагорная проповѣдь Иисуса Христа то со стороны представителей такъ называемыхъ интеллигентныхъ христіанъ и новохристіанства, то даже со стороны социаль-демократовъ; небольшая на примѣръ брошюрка, съ кричащимъ названіемъ „Новая нагорная проповѣдь“, въ которой „нищіе духомъ“ и „плачущіе“ названы „слабыми и несчастными“ за отказъ отъ борьбы за свои права, а не „блаженными“, — представляетъ не что иное, какъ profession de foi социаль-демократовъ. Такого рода произведенія печати вносятъ соблазны и сомнѣнія въ среду читателей, особенно же въ среду юношества. Трудно бороться съ подобнаго рода литературой даже на научной почвѣ; но думается, что г. Троицкій своимъ трудомъ принесетъ громадную пользу и не однимъ только своимъ „бывшимъ и теперешнимъ ученикамъ — воспитанникамъ“, которымъ посвящена указываемая книга г. Троицкаго, но и

многимъ читателямъ, которымъ мы не только рекомендуемъ, но считаемъ долгомъ рекомендовать для внимательнаго прочтенія трудъ г. Троицкаго. Обладая глубокою эрудиціей въ области христіанскаго вѣроученія и знаніемъ святоотеческой литературы, г. Троицкій даетъ полное, всестороннее освѣщеніе ученія о заповѣдяхъ блаженства, и, на основаніи филологическаго разбора отдѣльныхъ выраженій и экзегесиса текста заповѣдей, устанавливаетъ подлинный и истинный смыслъ и значеніе этихъ заповѣдей о 9 путяхъ устроенія нашей духовной жизни для достиженія „блаженства“, счастья и спасенія. Всѣ эти изысканія въ области текста блаженствъ, а равно многія указанія на мнѣнія Св. Отцевъ и Учителей Церкви и выдающихся богослововъ Россіи и Запада, помѣщены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; и оттого онѣ не загромождаютъ собою содержанія брошюры, которая читается отъ начала до конца съ неослабнымъ интересомъ, чему способствуетъ также не мало языкъ изложенія и всюду сквозящее чувство христіанскаго воодушевленія и вѣры автора. Съ внѣшней стороны брошюра издана безукоризненно.

Преподаватель Холмской Семинаріи Свящ. А. *Личевскій*.

МУЗЫКА.

Въ тоскѣ стоитъ онъ, нѣтъ терпѣнья...

Онъ безнадежно говоритъ:

Промчалось чудное видѣнье,

Его ничто не возвратитъ.

* * *

И онъ опять подходитъ къ лирѣ—

Ей грусть, какъ другу, передать;

Онъ знаетъ: ей лишь въ этомъ мѣрѣ

Всю глубь тоски его понять.

* * *

Она застонетъ, какъ живая,

Она такъ сладко запоетъ,

Что, гнетъ печали забывая,

Онъ съ нею голосъ свой сольетъ.

* * *

И съ этой пѣснею забвенье
На грудь усталую слетить,
И съ нею, можетъ быть, терпѣнье
И вѣру въ счастье возвратить. М. Б.

Е П А Р Х І А Л Ь Н А Я Х Р О Н И К А .

14 января. Преосвященный Анастасій, Епископъ Холмскій и Люблинскій отбылъ изъ Холма для обозрѣнія церквей въ селахъ Злойцы, Сѣдлиски, Лабуньки, Тарноваткѣ, Паньковѣ, Шароволѣ, Краснобродѣ, Суховолѣ, Шевни, Коссобудахъ, Туробинѣ, Отрочѣ, Браневѣ и гор. Яновѣ (Люблинскомѣ).

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

1. Философія Ницше.—М. Булгакова. 2. Воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ въ с. Потуржинѣ.—Прот. Прокла Гомели. 3. Свѣдѣнія изъ Щербришина о переживаемой войнѣ.—Л. Евушика. 4. Библиографическая записка.—Свящ. А. Линчевскаго. 5. Музыка. 6. Епархіальная хроника.

Дозволено военной цензурой.

Редакторъ *Архимандритъ Серафимъ.*

Холмъ, Типографія Холмскаго Св.-Вогородицкаго Братства.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

МАЛЮТКА.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

Допущенъ Министерств. Народнаго Просвѣщ. въ библиотеки дѣтскихъ садовъ и пріютовъ.

Годъ изданія тридцатый.

- 12** КНИЖЕКЪ ЖУРНАЛА „МАЛЮТКА“
выпусковъ Мурзаевъ В. „ТВОРЧЕСКАЯ СКАЗКА“
12 СКАЗОКЪ: и „СКАЗКИ КОТА УЧЕНАГО“.
24 ПРЕМИИ—ИГРУШЕКЪ для вырѣзыванія, склеиванія, рисованія и т. п.

Съ 1915 года открывается при журналѣ специальный отдѣлъ

„ХУДОЖНИКЪ-МАЛЮТКА“,

гдѣ будутъ даваться указанія и образцы **какъ** и **что** лѣпить, рисовать, вырѣзывать и наклеивать

Веденіе отдѣла „Художникъ-Малютка“ поручено художнику В. С. Мурзаеву.

Г О Д О В А Я П Р Е М І Я :

„ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИКИ“.

Интересный рассказъ (заимствованный съ англ.) М. В. Архангельской.

При первомъ номерѣ подписчики получаютъ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЛИСТЫ для наклеиванія картины изъ сказки „ЗОЛУШКА“.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города Россіи:

Со сборникомъ 12 выпусковъ Сказокъ 4 р. — к.
Безъ сборника сказокъ 2 р. 50 к.

З а г р а н и ц у :

Со сборникомъ 12 выпусковъ Сказокъ Кота Ученаго 5 р. — к.
Безъ сборника сказокъ 3 р. 50 к.

Жногороднихъ просятъ адресовать свои требованія:

Москва, редакция журнала „МАЛЮТКА“.

Спиридоновка, д. 14.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Н. Петровской, Петровскія линіи.

Редакторъ М. Архангельская.

Издатель Книгоиздательство «Школа».

Продолжается подписка на 1915 годъ

(1-й годъ изданія)

„Обученіе Пчеловодству въ Церковно-приходской Школѣ“.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣль журнала—обучать учащихся церковно приходской школы пчеловодному хозяйству и тѣмъ обезпечить Святой Русской Православной Церкви добычу воска въ Россіи для церковныхъ свѣчей.

Такъ какъ Россія ежегодно покупаетъ на пять милліоновъ (5.000.000) рублей воска для церковныхъ свѣчей за границей, и главнымъ поставщикомъ воска является враждебная намъ Германія, то теперь нашъ государственный долгъ отказаться отъ покупки воска у Германцевъ, потому что каждый уплаченный нами имъ рубль притворяется въ оружіе противъ насъ.

Помимо того, покупаемый воскъ не всегда былъ хорошаго качества. Для того, чтобы Россійская Святая Православная Церковь могла имѣть свой собственный воскъ и не покупаетъ его за границей, надо ввести преподаваніе пчеловодства въ церковно-приходскія школы и тѣмъ провести пчеловодныя знанія по восковому хозяйству въ широкія массы населенія Россіи.

Тогда въ церквяхъ предъ ликами Св. Угодниковъ Божіихъ будутъ горѣть свѣчи изъ воску чистаго, какъ духа христіанина въ часъ молитвы.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Къ читателямъ (передовыя статьи).	9) Восковое пасѣчное хозяйство.
2) Совѣты начинающимъ пчеловодство учителямъ.	10) Роевое пасѣчное хозяйство.
3) Работы, которыя надо произвести въ текущемъ мѣсяцѣ на школьной пасѣкѣ.	11) Медоносныя растенія.
4) Первый годъ обученія учащихся въ школѣ теоретическому пчеловоденію.	12) Дневникъ нашей пасѣки.
5) Второй годъ того же обученія.	13) Разказы изъ пчеловодной жизни.
6) Первый годъ ознакомленія дѣтей съ практическими приемами веденія пчеловодства.	14) Выдающіеся пчеловодные дѣятели.
7) Второй годъ того же ознакомленія.	15) Пчеловодная жизнь въ Россіи.
8) Медосборное пасѣчное хозяйство.	16) Разказы прикладн. и научн. характера.
	17) Вѣсти со школьныхъ пасѣкъ.
	18) Отвѣты на вопросы, выдвинутыя пчеловодною работою у отдѣльныхъ учителей.
	19) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ, съ пересылкою ТРИ РУБЛЯ.

Подписку адресовать: г. Одесса. Почтовый ящикъ 1294.

Редація журнала „Обученіе Пчеловодству въ Церковно-приходской Школѣ“.